

УДК 94(47)+2-9

doi: 10.18101/2305-753X-2017-3-49-55

**ЗАКРЫТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ В 20–30-е годы XX в.
КАК АСПЕКТ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ**

© Дроботушенко Евгений Викторович

кандидат исторических наук, доцент

декан исторического факультета

Забайкальский государственный университет

E-mail: DRZZ@yandex.ru

В статье репрессивная политика Советского государства рассматривается через закрытие православных храмов, часовен, молитвенных домов. Гонения на религию происходили не только посредством гонений на священнослужителей. Огромное значение в секуляризации духовных ценностей имело именно закрытие построек культового назначения, которые являлись маркерами распространения религии на определенной территории, материальным выражением духовности, веры, религиозный символ. Вопреки широко распространенной точке зрения, что православные храмы в регионе практически все были закрыты во время гонений на религию в 1920–1930-е гг., автор говорит о двух волнах закрытия. Вторая приходится на 50-е годы XX в. Отмечается, что, несмотря на относительную известность того, какие соборы, церкви, часовни и молитвенные дома Русской Православной Церкви (РПЦ) в Забайкалье были закрыты в разное время, на сегодняшний день имеющиеся научные публикации общей картины происходившего не дают. Так же, как данные, приводимые в различных статьях, монографиях, научно-популярных заметках есть далеко не по всем существовавшим в регионе постройкам культового назначения. Основным же выводом является замечание о том, что в результате гонения со стороны власти на православную церковь, в Забайкалье остались единичные церкви, из которых на сегодняшний день восстановлена только часть. Требуется как серьезная работа с источниками по воссозданию наиболее полной картины закрытия храмов в регионе, так и активная деятельность по восстановлению тех церквей, которые сегодня находятся в плачевном состоянии.

Ключевые слова: религия, православие, храм, верующие, власть, политика, социум, репрессии, гонения, Забайкалье.

История Советского государства полна противоречий и исследователями оценивается по-разному. Однако на современном этапе, пожалуй, практически все негативно оценивают репрессивные действия власти, в какое бы время они ни происходили и чего бы ни касались. Традиционно, говоря о репрессиях, исследователи имеют в виду, главным образом, события 1937 г., хотя репрессивная политика советской власти находила свое выражение и в иное время.

Согласно ст. 1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», под репрессиями понимаются «меры принуждения, применяемые государством в отношении человека в случае опасности с его стороны для государства или политического строя» [10].

Одним из факторов, угрожавших советскому режиму, начиная с момента его установления являлась религия. Советское государство на протяжении всего пе-

риода своего существования осуществляло комплекс мер по уничтожению данного вида угрозы. Основа данных мер — репрессии в отношении духовенства всех религиозных учений. Православие, являясь основной религией в досоветской России, в пропорциональном отношении, вероятно, пострадало более всего. Очевидно, что, с точки зрения репрессивной политики, основная мера — это гонения на священнослужителей, а точнее, уничтожение их социальной группы. Однако простое физическое уничтожение священников, вероятно, не привело бы к быстрому решению «религиозного вопроса», требовалась полная секуляризация духовных ценностей — «изъятие веры». Здесь одним из аспектов выступает уничтожение материального выражения религиозности — храмов, часовен, молитвенных домов, культовых предметов.

В последнее время одним из направлений религиозно-географических исследований стало выявление маркеров распространения религии на определенной территории. Таким маркером является степень религиозности населения и материальное выражение религиозности. Первое выявить в некоторых случаях достаточно сложно. Особенно в период гонений на религию. Со вторым ситуация несколько проще. Материальный маркер — религиозные действующие культовые постройки. Отсюда уничтожение храмов, часовен, молитвенных домов, поклонных крестов — это шаг, направленный на уничтожение религиозности общества, уничтожение веры, шаг, сопутствующий репрессиям в отношении духовенства. Итоговая цель — уничтожение угрозы государству и политическому строю.

Закрытие православных храмов становилось предметом рассмотрения исследователей. Это относится как к СССР (РСФСР) в целом, так и к Забайкалью в частности. В некоторых случаях авторы закрытие культовых построек рассматривают как элемент антирелигиозной политики государства, фактор гонений на религию. Отметим, что проблемное поле данной статьи затрагивается как в общих, так и в специальных исследованиях, причем российскими и зарубежными авторами [1; 11–12; 12–22].

По Забайкалью — это публикации известнейших улан-удэнских ученых, специалистов в области истории православия в регионе Г. С. Митьповой и И. С. Цыремпиловой [13–17].

Несмотря на имеющиеся публикации по проблеме, отметим, что общие работы не затрагивают Забайкалье, а труды по региону в основной своей массе анализируют время до Великой Отечественной войны.

Традиционно считается, что закрытие православных храмов и часовен в Советском государстве приходится на 20-е, отчасти на 30-е годы XX в. И на этом борьба с религией вроде как окончена. В дальнейшем ситуация относительно ровная. Серьезные исследователи истории православия в СССР говорят о всплеске православия после 1943 г., когда прошла широко известная встреча И. В. Сталина с высшими иерархами Русской Православной Церкви и о спаде в начале 1950-х гг. Выразилось сказанное сначала в открытии храмов и регистрации православных религиозных организаций, а затем в закрытии.

В одной из публикаций О. Васильева предлагает периодизацию взаимоотношений между советской властью и Русской Православной Церковью после Великой Отечественной войны. В связи с предметным полем настоящей статьи

нас интересует три первых из предлагаемых автором этапов [2]. Первый — это 1943–1953 гг. Для него характерен, как отмечалось выше, всплеск православия. Второй этап — 1953–1958 гг. — со свойственным противостоянием двух направлений в системе власти, выступавшей за сохранение дружественных отношений между властью и религией и, соответственно, выступавших против. Для второго этапа свойственно частичное закрытие храмов и ликвидация части зарегистрированных религиозных сообществ. Самым же сложным стал третий период — 1958–1964 гг. Это период нового закрытия храмов в стране.

Однако о том, что была своеобразная «вторая волна» борьбы с религией в СССР известно больше специалистам. Это относится как в целом к Советскому Союзу и РСФСР в его рамках, так и к отдельным регионам. Здесь не является исключением и Забайкалье.

Причин того, что в субъектах РСФСР на территории Забайкалья к концу 1930-х гг. были закрыты все православные храмы, на наш взгляд, может быть несколько. основополагающая — вероятно, в удаленности, периферийности территорий. В неразберихе начального советского периода серьезно заниматься вопросом контроля над православной церковью в регионе было сложно. Проще было закрыть все храмы. С первой причиной связана и вторая. Это неразбериха с епархиальным руководством: эмиграция правящего архиерея Мелетия (Заборовского) в Китай в 1920 г., арест управлявшего епархией викарного епископа Софрония (Старкова) в 1922 (1923 г.), исполнение обязанностей управляющего епархией с перерывами Даниилом (Шерстениковым) в 1924–1927 гг., отказ от должности, а затем вступление в нее в 1926 (1927 г.) Евсевия (Рождественского), смена за шесть лет ряда епископов (Марк (Боголюбов), Иоанникий (Попов), Серафим (Зборовский), Фотий (Пурлевский и Серафим (Шамшев)), периоды по несколько месяцев без епархиальных архиереев. Очевидно, что говорить о нормальном существовании епархии в такой ситуации просто не приходится. А отсутствие в Сибири во второй половине 1930-х–начале 1940-х гг. самостоятельных епархий Русской Православной Церкви дополняет картину. Мы бы выделили и еще одну причину. Это значительная активность органов власти на местах по закрытию православных храмов. Архивные документы дают нам представление о том, что на территории региона в некоторых случаях органы власти нарушали закон, за что получали замечания от центральных органов власти, Комиссии Советского Контроля при Совете Народных Комиссаров Союза ССР. Иногда местные органы власти вообще замалчивали о реальном положении дел. В отдельных случаях решения местных органов власти о закрытии храмов пересматривались и отменялись центральными органами власти [3; 4, Л. 6; 5–6]. Очевидно, что активная деятельность по закрытию храмов на местах приносила свои плоды.

Уделив внимание первой волне закрытия храмов на территории Забайкалья, остановимся на второй. Она приходится на первую половину 1960-х гг.

В 1943 г., после упоминавшейся выше встречи И. В. Сталина с высшим руководством Русской Православной Церкви, создается специальный орган по контролю над деятельностью РПЦ — Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, в регионах его представляли уполномоченные, для которых создавались специальные аппараты сотрудников. Их работа заключа-

лась, помимо прочего, в рассмотрении вопросов по открытию и закрытию православных храмов или молитвенных домов, регистрации или снятию с регистрации религиозных организаций. Окончательное решение по названным вопросам все же принимали центральные органы власти, но многое зависело и от уполномоченных. Учитывалось их мнение по вопросу, их характеристики ситуаций.

Пик деятельности по открытию православных храмов по всей стране приходится на вторую половину 1940-х гг. и связан с кардинальным изменением отношения советской власти сначала к православию, а затем и к иным религиозным учениям. В регионе за несколько лет было открыто четыре храма. Один — на территории Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики и три на территории Читинской области. Чуть позже в Бурятии открыли второй храм. В итоге, к началу 50-х гг. XX в. в Забайкалье действовали следующие церкви: Вознесенская в г. Улан-Удэ и Успенская в г. Кяхте на территории Бурятской АССР, Вознесенская в г. Чите, Георгиевская в г. Сретенске и Покровская в с. Нижняя Хила в Читинской области [7, Л.Л. 2–3; 8, Л. 23].

Следует отметить, что, согласно отчетам уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, в реальности церкви в Кяхте, Сретенске и Нижней Хиле не действовали уже в первой половине 1950-х гг. Причина — в незначительном количестве верующих [8, Л. 22]. В принципе вопрос об их закрытии стоял уже тогда. Относительно нормально обстояли дела в региональных центрах, гг. Улан-Удэ и Чита. В связи с наличием определенного количества верующих церкви действовали и службы велись.

Первой прекратила свою деятельность церковь в Нижней Хиле, точнее, она ее и не начинала в связи с отсутствием священнослужителя. Однако основной, если так можно сказать, удар был нанесен в первой половине 60-х гг. XX в., когда были закрыты Георгиевская церковь в Сретенске и Успенская в Кяхте [17, с. 50]. В то же время, как отмечалось выше, их закрытие стало, скорее, констатацией факта.

Закрытие православных храмов в Забайкалье в ходе второй волны гонений на православную церковь в определенной степени связано с субъективным фактором — незначительным количеством верующих, отсутствием священнослужителей. При этом то, что не хватало священников, на наш взгляд, являлось итогом слабого внимания к региону со стороны епархиальных властей из г. Иркутска. Здесь вновь вступит в действие фактор удаленности, периферийности территорий.

С другой стороны, совершенно очевидно, что и вторая волна закрытия православных храмов в СССР (РСФСР) в целом и в Забайкалье, в частности, — это выражение изменения общегосударственной политики в отношении религии в сторону гонений. Во время упоминавшегося выше второго этапа государственно-церковных отношений в стране победило репрессивное направление в органах власти, и регион потерял пусть не все, но действующие православные храмы.

Таким образом, можно говорить о том, что на территории Забайкалья были две своеобразные «волны» закрытия православных храмов. Одна приходится на 30-е, а вторая — на 60-е гг. XX в. В первом случае массовые гонения начались несколько позднее, чем, к примеру, в центре страны, но, в отличие от большинства регионов, привели к тотальному закрытию действующих культовых построек. В Забайкалье не осталось ни одного действующего храма, как, впрочем, и в

соседней Якутии. В итоге второй «волны» осталось по одной действующей церкви в региональных центрах — гг. Улан-Удэ и Чите.

Литература

1. Бунин А. Ю. Православное сообщество Курского края в условиях советской антирелигиозной политики 1920–1930-х гг. // Научные ведомости. Серия: История, политология, экономика, информатика. № 19 (138). Вып. 24. 2012. С. 124–129.
2. Васильева О. Ю. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm> (дата обращения: 10.09.2017).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. Р-5263, Оп. 1. Д. 2.
4. ГАРФ, Ф. Р-5263, Оп. 1. Д. 61.
5. ГАРФ, Ф. Р-5263, Оп. 1. Д. 69.
6. ГАРФ, Ф. Р-5263, Оп. 1. Д. 131.
7. ГАРФ, Ф. Р-6991, Оп. 1, Д. 516
8. ГАРФ, Ф. Р-6991, Оп. 1, Д. 1206.
9. Горина К. В., Новиков А. Н. Приграничные особенности территориальной организации Русской Православной Церкви в Забайкальском крае // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Владивосток: Дальнаука Издательство ВГУЭС, 2010. С. 438–455.
10. Закон Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 (в редакции от 09.03.2016 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/e07123f93cc99d707eee3fd50529d8d7f92a0c06/ (дата обращения: 17.09.2017).
11. Козлов Ф. Н. Закрытие церквей как элемент государственной антирелигиозной политики в конце 1920–начале 1930-х годов (по материалам национальных республик Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. № 1. 2014. С. 32.
12. Королева Л. А. Закрытие церквей в СССР в 1930-е гг. (на примере Пензенского региона) // Международный научно-исследовательский журнал. № 4–7 (46). 2016. С. 50–52.
13. Митьпова Г. С. История ликвидационных процессов в контексте государственной, религиозной политики советского периода (1917–1945 гг.): по материалам Национального Архива Республики Бурятия, архивов ВЧК-НКВД-КГБ-ФСБ) // Вестник ИрГТУ. Вып. 6. 2006. С. 67–75.
14. Цыремпилова И. С. Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917–1930 гг. на территории Байкальского региона // Власть. № 9. 2012. С. 160–163.
15. Цыремпилова И. С. Русская Православная Церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 491 с.
16. Цыремпилова И. С. Русская Православная Церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона) / И. С. Цыремпилова. — Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2008. — 300 с.
17. Цыремпилова И. С., Злыгостева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940–1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. № 10. 2010. С. 47–50.
18. Curtiss J. S. The Russian church and the Soviet state, 1917-1950. Boston: Little, Brown, 1953. 387 p.
19. Husband W. B. "Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000. 258 p.
20. Pospelovsky D. A. History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer. Vol. 3. N-Y: St. Martin's Press Inc., 1987. Vol. 1. A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies. 189 p.; Vol. 2. Soviet Anti-Religious Campaigns and Persecution. 275 p.; Vol. 3. Soviet Studies on the Church and the Believer's Response to Atheism. 325 p.
21. Pospelovsky D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. Vol. 2. N.-Y: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 1. 248 p.; Vol. 2. 535 p.
22. Pospelovsky D. History of the Orthodox Church in the History of Russian 1998. N.-Y: St Vladimir's Seminary Press. 413 p.

References

1. Bunin A. Yu. Pravoslavnoe soobshchestvo Kurskogo kraja v usloviyakh sovetskoi antireligioznoi politiki 1920–1930-kh gg. // Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya, politologiya, ekonomika, informatika. № 19 (138). Vyp. 24. 2012. pp. 124–129.
2. Vasil'eva O. Yu. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya sovetskogo perioda: periodizatsiya i sodержanie // Pravoslavie.ru. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm> (data obrashcheniya: 10.09.2017).
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF), F. R-5263, Op. 1. D. 2.
4. GARF, F. R-5263, Op. 1. D. 61.
5. GARF, F. R-5263, Op. 1. D. 69.
6. GARF, F. R-5263, Op. 1. D. 131.
7. GARF, F. R-6991, Op. 1, D. 516
8. GARF, F. R6991, Op. 1, D. 1206.
9. Gorina K. V., Novikov A. N. Prigranichnye osobennosti territorial'noi organizatsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Zabaikal'skom krae // Geopoliticheskii potentsial transgranichnogo sotrudnichestva stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. Vladivostok: Dal'nauka Izdatel'stvo VGUES, 2010. pp. 438–455.
10. Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 18.10.1991 № 1761-1 (v redaktsii ot 09.03.2016 g.) // KonsultantPlyus — nadezhnaya pravovaya podderzhka. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/e07123f93cc99d707eee3fd50529d8d7f92a0c06/ (data obrashcheniya: 17.09.2017).
11. Kozlov F. N. Zakrytie tserkvei kak element gosudarstvennoi antireligioznoi politiki v kontse 1920–nachale 1930-kh godov (po materialam natsional'nykh respublik Srednego Povolzh'ya) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. № 1. 2014. p. 32.
12. Koroleva L. A. Zakrytie tserkvei v SSSR v 1930-e gg. (na primere Penzenskogo regiona) // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. № 4–7 (46). 2016. pp. 50–52.
13. Mitypova G. S. Istoriya likvidatsionnykh protsessov v kontekste gosudarstvennoi, religi-oznoi politiki sovetskogo perioda (1917–1945 gg.): po materialam Natsional'nogo Arkhiva Respubliki Buryatiya, arkhivov VChK-NKVD-KGB-FSB // Vestnik IrGTU. Vyp. 6. 2006. pp. 67–75.
14. Tsyrempilova I. S. Dokumental'noe nasledie RPTs v issledovanii gosudarstvenno-tserkovnykh vzaimootnoshenii v 1917–1930 gg. na territorii Baikal'skogo regiona // Vlast'. № 9. 2012. pp. 160–163.
15. Tsyrempilova I. S. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvennaya vlast' v 1917–1930-e gg. (na materialakh Baikal'skogo regiona): dis ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Ulan-Ude: In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN, 2009. 491 p.
16. Tsyrempilova I. S. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo: istoriya vzaimootnoshenii v 1917–1930-e gg. (na materialakh Baikal'skogo regiona) / I. S. Tsyrempilova. — Ulan-Ude: IPK VSGA-KiI, 2008. — 300 p.
17. Tsyrempilova I. S., Zlygosteva Yu. G. Deyatel'nost' upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi (Soveta po delam religii) v 1940–1980-kh gg. (na primere Baikal'skogo regiona) // Vlast'. № 10. 2010. pp. 47–50.
18. Curtiss J. S. The Russian church and the Soviet state, 1917-1950. Boston: Little, Brown, 1953. 387 p.
19. Husband W. B. “Godless Communists”: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000. 258 p.
20. Pospelovsky D. A. History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer. Vol. 3. N.-Y: St. Martin's Press Inc., 1987. Vol. 1. A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies. 189 p.; Vol. 2. Soviet Anti-Religious Campaigns and Persecution. 275 p.; Vol. 3. Soviet Studies on the Church and the Believer's Response to Atheism. 325 p.
21. Pospelovsky D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. Vol. 2. N.-Y: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 1. 248 p.; Vol. 2. 535 p.
22. Pospelovsky D. History of the Orthodox Church in the History of Russian 1998. N.-Y: St. Vladimir's Seminary Press. 413 p.

THE CLOSING OF ORTHODOX CHURCHES
ON THE TERRITORY ZABAİKALYE IN 20s–30s of 20th CENTURY
AS AN ASPECT OF THE REPRESSIVE POLICIES
OF THE STATE TOWARDS RELIGION

Evgeny V. Drobotushenko
Cand. Sci (History), A/Prof.
Dean of the Historical faculty
Transbaikal State University
E-mail: DRZZ@yandex.ru

In the article the repressive policy of the Soviet state is covered by the closure of the Orthodox churches, chapels, prayer houses. Persecution of religion was not limited by the persecution of the clergymen. The closure of religious buildings was of great importance in the secularization of spiritual values, as they were the markers of the spread of religion in a certain territory, the material expression of spirituality, faith, religious symbol. Contrary to the widespread point of view that the Orthodox churches in the region almost all were closed during the persecution of religion in the 1920s–1930s, the author means two waves of closing. The second wave falls on the 50s of the 20th century. It is noted that despite the relative prominence of what cathedrals, churches, chapels and prayer houses of the Russian Orthodox Church (ROC) in Transbaikalia were closed at different times; nowadays there are no available scientific publications of the general picture of what happened. Just as the data in various articles, monographs, and popular science notes didn't match to all of the religious buildings that existed in the region. But the main conclusion is the remark that as a result of persecution of the Orthodox Church by the authorities in the Transbaikalia, a few churches still remained and so far only parts of them were restored. The serious work with the sources to reconstruct the most complete picture of the closing of the temples in the region is required, as well as the active work on the restoration of those churches, which today are in a deplorable state.

Keywords: religion, the Orthodox Church, temple, believers, authorities, policy, society, repressions, persecutions, Transbaikalia.